

Почему ничего не получилось?

Кто-то говорит, что виновата нерешительность, кто-то винит лидеров оппозиции, однако это всё частности. Как слился протест

Участники митинга оппозиции «За честные выборы» на Болотной площади, 4 февраля 2012 года. Фото: Митя Алешковский* / ИТАР-ТАСС

08:18, 9 декабря 2024,

Антон Орехъ

13 лет — дата не круглая. Да и поводов отмечать что-то — тоже нет. Разве что погоревать в очередной раз. Но горевать нам не привыкать — это мы и без повода можем. Однако многодневный грузинский протест все-таки заставил еще раз вспомнить о том, что 13 лет назад, в декабре 2011 года, в Москве начались протесты после выборов в Думу. «Рассерженные горожане», представители «креативного класса» (обидное сокращение — креаклы) вышли сперва стихийно на Чистые пруды, потом организованно пошли на Болотную. Потом был проспект Сахарова. Потом... Потом всё.

Это было время белых лент. Было время подсчетов.

Организаторы и участники говорили: вышло 100 тысяч, 150 тысяч... ну хорошо, 50 тысяч вышло точно. Невозмутимая полиция (тогда еще и правда невозмутимая) отвечала: да что вы — там тысяч 5–7... ну хорошо, 10 тысяч. Тогда я впервые увидел над головой дрон, который снимал нас на Болотной, дроны были диковиной.

По фотографиям сверху и математическим моделям шел точнейший учет пришедших, чтобы доказать, что нас действительно много. Получалось, что участие важнее победы.

Оно действительно было важно. И действительно воодушевляло. В затхлом и безнадежном упадке, когда казалось, что хуже быть не может (ха-ха), вдруг люди возмутились, организовались, вышли, почувствовали единство. Выразили протест — и протест был мирным, хотя и язвительным, со всеми теми рисунками, частушками и прочими атрибутами гражданского карнавала неповиновения.

Акция «За честные выборы», 4 февраля 2012 года. Фото: Геннадий Гуляев / Коммерсантъ

Почему же ничего из того протеста не вышло? Хотя некоторое послабление случилось. Власть, кажется, действительно не столько испугалась, сколько напряглась, но ослабила хватку. Это потом она спохватится и закрутит гайки — и дальше будет только закручивать их всё сильнее, придумывая этих гаек всё больше. Но тогда у резьбы еще был обратный ход. Однако отвернули по нему недалеко и ненадолго.

Кто-то говорит, что виновата нерешительность. «Вот если бы поставили палатки и не уходили...» Последний киевский Майдан был впереди, но позади был уже опыт предыдущего, когда в Украине добились третьего тура выборов во время «оранжевой революции» и опыт бессрочного протеста перед глазами имелся.

Кто-то винит лидеров оппозиции, у которых «на новогодние праздники просто были взяты билеты в теплые края, и никто не хотел жертвовать Новым годом». Говорят, что даже Кудрин, взяв

на себя миссию парламентаря, ходил в Кремль, предлагая наладить диалог с недовольными, и ему сказали, мол, хорошо, давайте наладим — только после праздников. А там все предсказуемо рассосалось. Впрочем, была еще такая штука, как Координационный совет оппозиции, куда шумно кого-то выбирали и после то ли одного, то ли двух заседаний все со всеми рассорились, и все эти 13 лет продолжают выяснять отношения — кто-то еще в России, но в основном уже в эмиграции.

Однако это всё частности, детали. Главное же в другом.

Протестующие фактически хотели перемен. Они и скандировали: «Мы здесь власть», что было и самонадеянно, и наивно — пускай и весьма духоподъемно.

Я был на всех тех митингах и подъём как раз помню очень хорошо. Но смена власти возможна двумя способами, если мы, конечно, не имеем в виду самый простой и естественный демократический путь честных выборов. А иных способов два: революция (военный переворот) и дворцовый переворот. Опыт революции нам хорошо известен. Даже двойной опыт 1917 года. Больше, спасибо, не надо. Но были и дворцовые перевороты. В меньшей степени — это приход и уход Хрущева. В большей степени — перестройка Горбачева. Когда люди внутри власти производят ее значительную переделку.

В 2011 году честных выборов уже быть не могло. Поэтому, собственно, и возник протест. Но были ли возможны два других сценария? Нет, невозможны. Очевидно, что тогда все силовики были едины с властью. Протестующих еще не били почем зря (хотя ОМОН уже активно применялся на протестах, например,

по 31-м числам, помните?) — это начнется уже совсем скоро, на другой Болотной, весной 2012 года. Но тогда избиения не были непереносимой нормой. Однако ни на какую поддержку силовиков рассчитывать было нельзя.

Задержание участников акции «За честные выборы» на Пушкинской площади, 5 марта 2012 года. Фото: Сергей Фадеичев / ИТАР-ТАСС

Колебания во власти были. И вспомните, какие брожения вдруг начались в Думе! Как мироновская фракция устроила там итальянскую забастовку, надела белые ленты, шумела! Да, тот самый Миронов, который потом будет ходить с пригожинской кувалдой, а сейчас ходит в майке «Крепкий Орешник». Он и тогда пытался держать по ветру нос, хотел поймать волну. Но волна спала, и сейчас Миронов и его чудаковатые сподвижники делают вид, что никогда никаких белых лент они не носили — только георгиевские.

Был в нашей истории еще один яркий эпизод. Август 1991 года. И баррикады вокруг Белого дома против ГКЧП. Но сколько простояли бы эти баррикады, если бы против людей тогда применили реальную силу? Однако именно тогда и в армии, и в милиции единства с властью уже не было! Известно, что офицеры и генералы прямо отказывались выполнять приказы гэкачепистов. И был Ельцин. Который был властью! Не союзного, но всероссийского масштаба. Уже получивший на выборах миллионы голосов.

То есть была не только власть, устроившая ГКЧП, но и другой центр силы во власти. И было отсутствие единства среди людей в погонах. И уже к этому прилагалась народная активность.

Но ее переоценивать не стоит. Не было на улицах Москвы миллионов людей во время путча. А в других городах вообще никакой активности по факту не было: все следили за новостями и ждали развязки.

А уже в декабре 2011-го и январе 2012-го у протестующих не было никакого центра силы, вокруг которого протест мог бы нарастать и получить шансы на успех. Кстати, именно поэтому с тех пор власти делают все, чтобы в законодательных органах даже на муниципальном уровне не было никаких «сомнительных» людей. Казалось бы, ну будет пара депутатов от оппозиции в той же Думе — что они могут сделать на фоне послушных четырехсот с лишним других депутатов? Но у этих нескольких будет трибуна. Они будут реальной легитимной властью, потенциальными вождями, уже имеющими законные полномочия от народа. Допускать такое невозможно.

Почему ничего не получилось в Белоруссии? Хотя там-то и

забастовки были, и на улицы Минска вышло в разы больше народу, чем в Москве, — при том, что все население Белоруссии меньше, чем население российской столицы. Люди дошли до дворца Лукашенко, стояли буквально в шаге. Но протест был мирным. А армия и милиция поддерживали Лукашенко. И во власти тогда своих представителей у народа фактически не оказалось. Недовольных было большинство. Но опоры у него не было. И вот прошло уже больше четырех лет, а ситуация там не изменилась.

Участники акции протеста сторонников белорусской оппозиции, октябрь 2020 года. Фото: Виктор Драчев / Коммерсантъ

Тогда почему же сработала тактика Майдана? Да потому что при всех Майданах украинская оппозиция имела мощное представительство в той же Верховной раде. Это был не только уличный протест — это был еще и конфликт внутри элиты. И внутри силовиков тоже единства не оказалось. Когда на это наложились общественные волнения — режим не устоял. Ну и, конечно, протест в Киеве в какой-то момент точно перестал

быть мирным. Однако никакие баррикады не помогли бы, если бы обычные люди бились бы с вооруженными профессионалами, не имея никакой поддержки.

А что будет сейчас в Грузии? Ясно, что общество расколото. Что сторонников европейского пути если и меньше, то ненамного, чем противников... это даже не пророссийский путь, а консервативный, когда выбор в пользу России не столько по любви, сколько от страха повторения 2008 года. Но против этого выбора тысячи людей выходят каждый день на улицы, строят баррикады, запускают фейерверки. И при всей яркости картинки, шансов у них практически нет. Потому что спецназ делает свое дело и выполняет команды. И нет ощущения, что он колеблется.

Фото: AP / TASS

А еще потому, что у сотен тысяч грузин, голосовавших за интеграцию с Европой, теперь нет своих представителей. Они

голосовали, и оппозиционные партии получили меньшинство — но все равно это десятки мандатов, от которых они добровольно отказались. Оставив тех, кто за них голосовал, без представительства! Эти депутаты ничего не могут требовать, не могут поддержать своих сторонников, не используют законную трибуну — они просто ушли с поля боя. Мирного, легитимного боя. И предпочли слиться с толпой. Таким образом, у протестов нет сильной опоры. А бесконечно выходить на улицу без перспективы что-то изменить — невозможно. Энергия рано или поздно заканчивается. Да это и теперь уже заметно. Мы-то, к слову, помним еще акции в поддержку Фургала. Сколько дней тогда люди выходили за него? Неделями! Но и тогда все постепенно закончилось. Потому что улице не на кого было опереться.

В 2011-м было то же самое. Ситуация накалилась, но для настоящих перемен и само общество, и власть не созрели.

Когда созреют — никто не знает. Но история показывает, что то, что казалось незыблемым, может рухнуть в несколько дней.

* Внесен властями РФ в реестр «иноагентов».